

УДК 343.8

DOI: 10.28995/2073-6304-2019-2-117-127

Личность преступника и исправление осужденных

Юрий М. Антонян

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, crimlaw2007@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются теоретические проблемы личности преступника, подчеркивается важность ее изучения для решения практических задач борьбы с преступностью. Предлагаются различные структуры личности, знаниях которых представляют криминологический и пенитенциарный интерес. Обосновывается мнение, что исправление преступников, прежде всего в местах лишения свободы, должно основываться на психотерапевтическом воздействии. В центре такого воздействия должны быть субъективные причины преступного поведения. Среди них особого внимания заслуживают мотивы. В этой связи высказаны принципиальные соображения о мотивах и мотивации. Названы некоторые наиболее часто встречающиеся мотивы.

Ключевые слова: личность, личность преступника, осужденный, психотерапевтическое воздействие, мотивы, мотивация, исправительные учреждения

Для цитирования: Антонян Ю.М. Личность преступника и исправление осужденных // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 2. С. 117–127. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-2-117-127

Criminal identity and correction of convicts

Iurii M. Antonyan

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
crimlaw2007@yandex.ru*

Abstract. The article considers theoretical issues of the criminal identity and emphasizes the importance of studying them for solving practical tasks in fighting crime. Various structures of the personality, which are of crimino-

© Антонян Ю.М., 2019

logical and penitentiary interest, are presented. The author substantiates an opinion that the correction of criminals, primarily in places of deprivation of liberty, should be based on psychotherapeutic influence. Such exposure should be focused on the subjective causes of criminal behavior. Among them, the motives deserve special attention. In this regard, principal considerations about the motives and motivation are stated. Most common motives are named.

Keywords: personality, criminal identity, convict, psychotherapeutic influence, motives, motivation, correctional institutions

For citation: Antonyan IM. Criminal identity and correction of convicts. *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series.* 2019;2:117-27. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-2-117-127

Проблема личности преступника занимает в криминологии примерно такое же место, как человек в философии и психологии. Криминология в нашей стране сосредотачивает свое внимание именно на личности преступника и, к сожалению, пока остаются в стороне биологические факторы, также участвующие в преступном поведении.

Криминология обязана не только объяснять эту личность, но и создавать методики профилактического воздействия на нее, в том числе в местах лишения свободы. В этом содержится возможность показать значимость криминологического и пенитенциарного познания для решения практических задач борьбы с преступностью.

Следует исходить из того, что личность преступника есть некоторая абстрактная, теоретическая модель определенного социального и психологического типа, подобно типу студента, артиста, учителя, инженера и т. д. Поэтому не каждого, кто совершил преступление, можно назвать «личностью преступника». Однако каждый, кто даже никогда не осуждался, но отличается типичными чертами личности преступника, может быть отнесен к этому типу, хотя и только условно (только условно!), и поэтому стать субъектом профилактического воздействия. Это, естественно, и лица, которые ведут антиобщественный образ жизни, нигде не работают, совершают мелкие правонарушения и т. д., состоят на учете в правоохранительных органах. С ними ведется предупредительная работа, поскольку от них ожидают совершения уголовно наказуемых действий.

Целесообразно поэтому исходить из существования двух основных подтипов личности преступника, особенно учитывая нужды пенитенциарной практики.

Во-первых, это осужденные (независимо от того, лишены они свободы или нет) – они представляют собой преступников, так сказать, в чистом виде. Те, которые лишены свободы, – самые опасные преступники.

Во-вторых, это те, которые, образно говоря, стоят на пороге преступного поведения, то есть совершают мелкие правонарушения, не работают, злоупотребляют спиртными напитками и т. д. Такие лица могут являться субъектами исправительного воздействия без их привлечения к уголовной ответственности.

В первом случае предупредительное, воспитательное, исправительное воздействие на осужденных, тем более в местах лишения свободы, в организационном отношении достаточно просто. В условиях же свободы сделать это (если иметь в виду проведение бесед, прежде всего длительных, обследование бытовых условий, изучение ближайшего окружения и др.) труднее.

Общей научной предпосылкой исследования личности преступника является понятие личности вообще. При этом необходимо исходить из того, что личность есть социальное качество человека и ею человек может стать лишь при условии общения (социализации) с другими людьми. Личность есть человек, наделенный сознанием, речью и способностью к деятельности.

О личности известный психолог В.П. Зинченко писал, что это таинственный избыток индивидуализации, ее свобода, которая не поддается исчислению, предсказанию. Личность видна сразу и целиком и тем отличается от индивида, свойства которого подлежат раскрытию, испытанию, изучению и оценкам. Личность, по мнению В.П. Зинченко, есть предмет удивления, преклонения, зависти, ненависти; предмет непредвзятого, бескорыстного, понимающего проникновения и художественного изображения [1 с. 266].

Такое понимание личности вызывает удивление и несогласие. Если личность – это таинственный избыток индивидуальности, то тогда неверно утверждение, что она видна сразу и целиком, поскольку это исключает таинственность. По В.П. Зинченко, индивидуальность более сложное явление, что не вызывает возражений, поскольку она включает в себя конкретную неповторимость. Естественно, что индивидуальность подлежит раскрытию, испытанию, изучению и оценкам, но изучая индивида, можно прийти к обобщающим выводам о личности вообще или отдельном ее типе.

Личность есть продукт мозга и межличностного общения. Абсолютно то же самое можно сказать и о личности преступника; это, как уже отмечалось выше, определенный социальный и психологический тип. Он формируется в определенной социальной

среде, и причины преступного поведения находятся в нем. Преступность, преступление и преступник не есть нечто такое, что появилось лишь на определенном этапе развития государства. Они существовали всегда, даже в первобытном обществе [2 с. 211–284], отдельные люди всегда нуждались в чем-то – в вещах, деньгах, власти, удовлетворении похоти и т. д. Поэтому всегда совершались преступления, даже когда еще не было писанных уголовных законов, но были определенные правила – устные.

Любое должностное лицо правоохранительных органов во всех случаях обязано иметь в виду индивидуальную неповторимость каждого конкретного подозреваемого, обвиняемого, осужденного. В преступнике недопустимо видеть лишь носителя социального зла, ведь это личность с ее особенностями, страстями и сложностями, только ею прожитой жизнью, какой бы несправедливой она ни была. Каждый человек (без исключения) интересен, и каждого надо понять, вникнуть в его судьбу, условия существования, какое бы гнусное преступление он ни совершил. Самый последний бродяга как личность не менее интересен, чем какой-нибудь аристократ или эстрадная звезда.

Конечно, нужно присоединиться к мнению А. Маслоу, что необходимы научные труды, посвященные бескорыстию, отсутствию зависти, силе воли и силе характера, оптимизма, дружелюбию, реализму, трансцендентности, смелости и отваге, отсутствию ревности. Нужны исследования искренности, терпения, лояльности, надежности, ответственности [3 с. 276]. Дружелюбный и искренний человек станет камертоном в воспитательной работе среди преступников, но чтобы приблизиться к нему, надо знать, почему отдельные лица становятся убийцами, разбойниками, ворами, насильниками и т. д. Путь к пониманию такой личности столь же многотруден, что и познание дружелюбия и искренности.

Человек все время доказывает, что нет пределов его нравственному поведению, что глубины психики неисчерпаемы и у нее нет дна – это бездна. Германские нацисты, например, во время Второй мировой войны это убедительно доказали. Поэтому присоединяюсь к мнению З. Фрейда, что мы не пали низко, мы никогда не были высоко. Зверь из бездны (выражение Г. Раушнинга) может выпрыгнуть в любое время.

В психологической теории существует несколько схем структуры личности. Так, З. Фрейд утверждал, что она состоит из трех инстанций: Оно, Я и Сверх-Я. Эта схема вполне может быть использована в любой науке, в том числе криминологии.

Могу предложить и другую структуру:

Характер, темперамент, особенности мышления и другие психологические черты	Нравственные особенности, ценностные ориентиры, позиции
Навыки, умения, знания	Представление о себе, отношение к себе, «Я» концепция
Представление об окружающем мире, отношение к нему	Социальные и психологические аспекты пола, возраста, состояния здоровья
Социальные и психологические аспекты жизненного опыта	

Изъятие какой-либо из приведенных подструктур разрушает целостность всей структуры. Ни одна из них не может существовать самостоятельно. Следовательно, все подструктуры составляют то, что является сложной, даже сложнейшей системой, именуемой личностью. Ни одна подструктура не является присущей только преступнику, она свойственна любому человеку, и все дело в том, чем заполнена данная часть личности. Так, если лицо будет полагать, что все окружающие (обычно это его микросреда) так себя ведут, то оно способно вести себя так же. Иными словами, предлагаемая схема представляется чисто психологической, пригодной для изучения личности любого типа.

Универсальной представляется и такая структура личности:

- 1) сознание;
- 2) индивидуальное бессознательное, т. е. весь жизненный опыт данного человека, невспоминаемые переживания детства и ранней юности, вытесненные из сознания в бессознательное в силу своей травматичности, болезненности или ненужности, а также инстинкты и автоматизмы;
- 3) коллективное бессознательное, т. е. усвоенные в ходе жизни образы людей и событий, которые сохраняются в психике в виде архетипов [4]. Цензорскими функциями обладает каждая подструктура, но в наибольшей степени сознание.

Любые научные структуры личности необходимы для теории и практики. Практике, например, органов правопорядка, она может оказывать на объекты профилактических усилий.

Давно известно, что криминология вышла из недр науки уголовного права, когда она, накопив необходимый запас информации, тем не менее оказывалась не в состоянии объяснить, что представляет собой преступность и каковы ее причины, кто такой преступник, почему совершаются конкретные преступления и как нужно бороться с преступностью. Эти задачи взялась решать криминология, которую на первых порах даже называли социологией

преступности. Потом поняли, что она является и психологией, и психиатрией, и экономикой, и т. д. преступности, а для исправленных преступников нужна и педагогика.

С конца пятидесятих годов криминология стала интенсивно развиваться как за счет теоретического осмысления ее проблем, так и путем накопления и интерпретации конкретного эмпирического материала. В последнем необходимо видеть научные заслуги А.Р. Ратинова и его школы. Однако нельзя утверждать, что они постоянно и плодотворно стали обогащать друг друга, хотя несомненно, что эмпирическая информация всегда нуждается в теоретическом уяснении. И сегодня ученые-криминологи, склонные только к теоретическому мышлению и построению теоретических схем, мало знакомы с живым эмпирическим материалом, не изучают самих преступников и их среду. Они ограничиваются тем, что черпают данные о преступниках и их преступном поведении из статистики, из трудов других авторов и путем изучения уголовных дел с помощью анкетирования. При этом мало кто из них знаком с эмпирическим материалом, изучал «живых» преступников с помощью психологических методик. Следовательно, объект познания не соответствует способу исследования.

Речь, прежде всего, идет о личности преступника, мотивах и механизме преступного поведения. Следовательно, речь в первую очередь идет о непосредственном контакте с самим преступником, проведении с ним клинической беседы (бесед), использовании психологических тестов при обязательном ознакомлении и учете материалов уголовного дела (в местах лишения свободы – личного дела осужденного). Именно так достигается понимание того, что это за личность и что стимулировало его на преступное поведение. Объяснить его даже сложнее, чем понять причины преступности в целом, прежде всего в силу индивидуальной неповторимости человеческого поведения и отдельных поступков. Познание причин преступности вполне возможно через объяснение отдельных преступлений, в конце концов, преступность это сумма и совокупность отдельных преступных деяний.

Сказанное, как уже отмечалось, предполагает непосредственный контакт с лицом, совершившим преступление. Легче всего это сделать в местах лишения свободы, тем более что там осужденные охотно идут на контакт с исследователем, поскольку беседы с ним вносят существенное разнообразие в их жизнь, да к тому же каждому или почти каждому человеку бывает лестно, что заинтересовались его особой. Отдельные осужденные иногда напрямую ставят вопрос: «Почему я совершил преступление?», чаще это бывают насильственные преступники. Это не случайный вопрос, а самый

главный не только для самого преступника, но и для науки криминологии, которая в первую очередь признана объяснять причины преступного поведения.

В уголовных делах они не указываются, особенно в делах о корыстных преступлениях, поскольку ошибочно считается, что они совершаются только по корыстным мотивам. В иных случаях мотивы называются неверно либо частично. При анализе насильственных преступлений, когда такие стимулы вообще непонятны следователю или судье, отмечается, что деяние совершено по хулиганским побуждениям, и тогда особое значение придается нетрезвому состоянию виновного. Соответственно строится и индивидуальная воспитательная работа с конкретным лицом в местах лишения свободы.

Еще когда криминология только оформлялась в отдельную самостоятельную науку, Ч. Ломброзо подал абсолютно правильный пример путей познания причин преступного поведения в личности преступника: он изучал осужденных в тюрьмах [5]. Советская криминология, идеологизированная сверх всякой меры, решительно отвергала все выводы этого ученого, что во многом, но не во всем, было справедливо, однако не приняла его методов познания, которые заключались во всестороннем изучении личности осужденного. Поэтому в первые послевоенные годы криминология развивалась как социология преступности, иными словами, как часть социологии, с чем соглашаться ни в коем случае не следует.

Можно утверждать, что наиболее значимую информацию о личности преступника и механизмах преступного поведения, особенно о мотивах, можно получить в первую очередь путем изучения личности осужденного в местах лишения свободы. Личностные исследования возможны и среди других лиц, прежде всего тех, которые были осуждены к наказаниям, не связанным с исправительными учреждениями. Но они находятся на свободе и поэтому трудно, а порой и невозможно их найти, провести с ними длительную беседу и применить психологические тесты. Вот почему именно места лишения свободы являются одним из главных источников получения криминологической информации. Однако она обязательно должна, образно говоря, получить теоретический статус, т. е. обогатить уже имеющиеся научные знания, дополнить их, либо создать новую объяснительную схему полностью или частично.

Это означает, что именно таким путем должна развиваться криминологическая теория в своей личностной части. Как мы видим, криминология и исполнение наказания в виде лишения свободы теснейшим образом связаны друг с другом. Вместе с тем эта связь

отнодь не односторонняя, т. е. не только осужденные «предоставляют» криминологии необходимую ей научную информацию, но и криминология должна служить делу исправления преступников. Что имеется в виду?

Изучая преступников, причем преимущественно в местах лишения свободы, криминология выявляет мотивы совершаемых преступлений, а также внутриличностные условия (например, акцентуации характера), способствующие преступному поведению. Достигается не просто некое абстрактное знание, имеющее фундаментальное общетеоретическое значение, полученная информация указывает на те личностные особенности, на которые надо воздействовать психокоррекционными (психотерапевтическими) способами. Иначе говоря, криминология (и только она) дает возможность диагностировать индивидуальные причины преступления и сделать их объектом психотерапевтического воздействия. В основном это будут мотивы поведения, способствующие им внутриличностные обстоятельства, способы и формы реагирования на внешние факторы. На первом этапе надо будет объяснить осужденному в наиболее доступной ему форме, почему он совершил интересующие нас поступки. При этом в некоторых случаях следует соблюдать осторожность и тактичность, особенно если предлогом беседы было совершенное им изнасилование или убийство, тогда обычно приходится анализировать субъективно важные для него интимные переживания.

Первый этап психотерапевтической работы с осужденным вовсе не означает первые часы беседы с ним. Это в целом первые встречи с ним, налаживание психологических контактов, установление доверительных отношений. В условиях реальной жизни в исправительной колонии или тюрьмы задачи первого этапа могут решаться в течение нескольких дней, но в целом названная работа должна продолжаться до тех пор, пока тот, кто ее проводит, не убедится в том, что удалось изменить установки осужденного, его отношение к миру и самому себе.

При этом не следует стремиться устранить любые мотивы преступного поведения, поскольку многие из них попросту непоколебимы, например, корыстность или ревность. И вообще потребности, реализуемые в мотиве, не поддаются никаким изменениям, никакому давлению и удивительно устойчивы на протяжении всей человеческой жизни. Так, первобытный человек, укравший у своего соседа шкуру, в плане мотивации совсем не отличается от современного хакера, который, пользуясь современными технологиями, похищает миллионы рублей (долларов). Вот почему не нужно стремиться выдавить данный мотив и заменить его

вполне моральным и даже высокодуховным. Цели здесь могут быть другие: во-первых, изменить способы и формы реализации движущих человеком мотивов, научить заменять эти формы другими, а не отказываться от самих мотивов, что чаще всего невозможно; во-вторых, убеждать преступника отказаться от прежнего образа жизни, если такой образ способствовал его преступному поведению. Воспитательно-психотерапевтическая работа в этой части должна включать в себя и убеждение уйти от прежних и будущих криминальных связей. В-третьих, научить умению владеть собой, особенно в конфликтных ситуациях, самому не провоцировать их и уметь находить правопослушный из сложных жизненных обстоятельств.

Было бы наивно думать, что психотерапевтическое воспитательное воздействие может принести успех во всех случаях. Прежде всего, некоторые преступники (особенно из криминальной элиты и со «стажем») совсем не захотят беседовать и тем более рассказывать о каких-то своих тайнах. Их нельзя будет склонить к психотерапевтическому сотрудничеству. Еще немало будет тех, кто вроде бы воспринял убеждения, но в какой-то ситуации оказался не способен вести себя должным образом.

Нужно уметь воздействовать на поведение осужденного в период отбывания наказания. Могут возникнуть ситуации, когда он окажется в сложной ситуации, и здесь ему тоже нужна психологическая подмога. Не менее важно обеспечить постпенитенциарное благополучие человека, и одной психотерапии будет явно недостаточно.

В процессе работы с осужденным надо в полной мере учитывать социальные и психологические аспекты жизненного опыта, в том числе криминального. Реакции человека на психотерапевтические воздействия, его собственные желания и влечения во многом базируются на этом опыте. Он проявляется не только как определенные навыки, знания и привычки, в том числе антиобщественного характера, и не только выработанной всей прожитой жизнью системой отношений и оценок. Как показывают конкретные эмпирические исследования, названный опыт, даже имевший место в далеком детстве, особенно если он был эмоционально насыщен и психотравматичен, может застрять в психике и уже много лет спустя мотивировать преступное поведение.

Мотивация человеческого поведения относится к числу главных проблем психологии преступного поведения. Понятия мотивации и мотивов разрабатываются психологией и никакой другой наукой. Как бы ни были важны вопросы мотивации и мотивов для других наук, юридических в частности, они должны пользоваться

теми понятиями и определениями, которые имеются в психологии, потому что это область психологического познания.

Криминология изучает психологию личности и преступного поведения в рамках своего предмета, но это психологические, а не какие-либо иные исследования. Особое внимание она уделяет проблемам мотивов и мотивации, поскольку они имеют важное значение для понимания причин поведения, построение следственных версий (в криминалистике), квалификации преступлений (в уголовном праве), назначениям справедливого наказания и его исполнения.

Мотив – это внутренний, субъективный смысл поведения, то, ради чего оно реализуется. Это не цель, не частная задача, которую ставит перед собою человек, а смысл его поведения. Мотив следует отличать от мотивации. Мотивация – это динамика мотивов, процесс возникновения, формирования, развития, изменения, корректировки мотивов, появления новых мотивационных стимулов. Мотивы и мотивация теснейшим образом связаны между собой. Кроме того, есть еще мотивировки, под которыми понимаются попытки рационального объяснения мотива, зачастую не имеющие ничего общего с подлинными мотивами. Ошибки в правоохранительной деятельности при определении мотивов чаще всего возникают в силу недостаточной компетенции сотрудников правоохранительных органов в психологии человека и человеческого поведения. Их попросту этому не учили, они, как правило, очень мало знают о глубинной психологии. Следовательно, их надо по-другому обучать.

Это во многом относится и к профессиональным психологам в исправительных учреждениях. Они хорошо умеют определить психологический профиль осужденного, но не обучены выявлять подлинные мотивы преступного поведения.

Мотивы начинают формироваться у человека с момента начала его облика как личности: прежде всего с матерью, отцом, другими членами семьи, затем со сверстниками и т. д. Некоторые, наиболее главные, становятся генеральными и могут сохраняться на всю жизнь. Чаще всего они являются смысловыми, часто невидимыми «простому» глазу, но в то же время ведущими стимулами поведения. Таковым является, например, мотив самоутверждения, который определяет не только отдельные поступки, но и образ в жизни в целом, может усиливать другие мотивы, такие как ревность, зависть и некоторые другие. К ним можно отнести и корысть, когда наживается большое богатство именно для того, чтобы самоутвердиться. Подобный мотив был у пушкинского «Скупого рыцаря», у Карандышева из «Бесприданницы» А.Н. Островского, которого Лариса Огудалова тяжело унизила, поскольку предпочла браку с ним кратковременную любовную связь с блестящим и богатым баринном.

Видимые, лежащие на поверхности мотивы обычно и определяются в следственно-судебных документах как те, которые детерминировали данное преступление. Эти мотивы обычно не более чем штампы, которые живут уже много лет, особенно часто встречаются корысть, ревность, месть, хулиганские побуждения. Поэтому сотрудники исправительных учреждений попадают в затруднительное положение и должны сами искать субъективные побудительные стимулы. Акты судебно-психологических и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз очень часто не дают никакой информации о мотивах.

Литература

1. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко. СПб., 2006.
2. *Малиновский Б.* Избранное: Динамика культуры. М., 2004. 464 с.
3. *Маслоу А.* Мотивация и личность. 3-е изд. СПб.: Питер, 1917. 352 с.
4. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
5. *Ломброзо Ч.* Преступный человек. М.; СПб.: Эксмо: Мидгард, 2005. 880 с.

References

1. Great psychological dictionary. Ed. by BG. Meshcheriakov and VP. Zinchenko. Saint Petersburg, 2006. 464 p. (In Russ.)
2. Malinovskii B. Selected Works. Dynamics of culture. Moscow, 2004. 464 p.
3. Maslou A. Motivation and personality. 3rd ed. Saint Petersburg: Piter Publ.; 2004. 352 p. (In Russ.)
4. Jung KG. Archetype and symbol. Moscow: Rennans Publ.; 1991. 304 p.
5. Lombrozo Ch. Criminal man. Moscow; Saint Petersburg: Eksmo: Midgard Publ.; 2005. 353 p.

Информация об авторе

Юрий М. Антонян, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; crimlaw2007@yandex.ru

Information about the author

Iurii M. Antonyan, Dr. of Sci. (Law), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; crimlaw2007@yandex.ru